

УДК 070:821.161.1-9(470.62/.67)

ЖАНР ИНТЕРВЬЮ В СИСТЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Е.К. Рева

Аннотация

В статье рассматривается жанр интервью (в частности, интервью-мнение) в контексте проблемы отражения национальных культурных ценностей народов Северного Кавказа в российской периодической печати. Изучение темы в системе межнационального дискурса выявило особые возможности этого жанра в репрезентации этнокультуры Северо-Кавказского региона: интервью-мнение выступает как средство хранения и передачи культурно значимой информации и позволяет раскрыть образ респондента как носителя национального менталитета.

Ключевые слова: журналистика, жанр, интервью, образ респондента, национальная культура.

Жанровые ресурсы интервью с точки зрения воспроизведения элементов национальной культуры зависят от разновидностей этого жанра. В настоящей статье мы обращаемся к изучению интервью-мнения, представляющего собой «развёрнутый комментарий компетентного лица к событию, факту, проблеме» [1, с. 219]. Эту жанровую разновидность мы рассматриваем на материале интервью с представителями определённого народа, считая, что такой жанровый способ даёт широкие возможности для репрезентации этнокультуры: её носитель является наиболее осведомлённым в многогранном пространстве родной культуры, ориентирующим читательскую аудиторию через жанр интервью в национальных нюансах, ведущим к пониманию сущности своего народа.

Известный социолог А. Моль видит в журналистах коммуникаторов, когнитологов, проводников культуры, способных представить культуру таким образом, чтобы в сознании реципиента возникало большее количество ассоциаций. По мнению исследователя, это фактор проявления глубины культуры [2, с. 156], которая имеет несколько иной ракурс проявления в интервью-мнении: здесь способность грамотно представить культуру во многом зависит от участника диалога. Кроме того, это немаловажный аспект изучения жанровой репрезентации, рассматриваемой через взгляды носителя национальной культуры. В своём анализе мы обращаемся к интервью с представителями народов Северного Кавказа в журнале «Дружба народов», который выделяется по степени наибольшей концентрации интервью с авторитетными общественными деятелями, представляющими северокавказские этносы.

Привлекаемые здесь к анализу интервью (I–II) объединены тем, что образ респондента как носителя своей национальной культуры раскрывается через конструкты российско-кавказских отношений, национальной идентификации и идеологической платформы респондента. Наряду с этим данные интервью имеют и различия с точки зрения содержания и наполнения, что объясняется, на наш взгляд, фактором времени. В 2006 году национальный вопрос в России находился в стадии поиска путей его решения. Потому и журналист в интервью, относящемся к этому времени опубликования, ставит перед респондентом вопросы именно такого общего порядка. В этом отношении характерно и название публикации: «Спасение – в просвещении разума». Чётко обозначенная к 2013 году Президентом Российской Федерации стратегия государственной национальной политики ставит новые задачи, существенные и для журналистики, поэтому в другой публикации с двумя интервью одной проблематики вопросы более конкретные, направленные на раскрытие ментальных основ жизни этноса.

Примечательно и то, что журналисты в рассматриваемых интервью принадлежат к разным национальностям. В первом из них интервьюер одной национальности с респондентом: одинаковая этническая принадлежность обнаруживает понимание журналистом Л. Алоевой социокультурных проблем в Кабардино-Балкарии «изнутри». Уже первым вопросом о перспективах развития культуры в республике Алоева задаёт общий тон разговора с З.Н. Тутовым, министром культуры Кабардино-Балкарии, заслуженным артистом России, народным артистом Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгеи. Но моделирует диалог респондент, акцентируя в контексте вопросов общей культурной тематики национальный аспект. Как представителя своего народа, его беспокоит «сохранение подлинной народной культуры», обращение к «огромному духовному капиталу», доставшемуся от предков: в духовной красоте человека он видит обязательное присутствие этнической самобытности (I, с. 122).

Заостряя внимание журналиста на этом аспекте¹, З.Н. Тутов как бы побуждает Алоеву к новому направлению разговора. И журналистка, понимая необходимость такого перехода, выражает солидарность со своим собеседником: «В недалёком прошлом народы СССР действительно объединял “сплочённый фронт дружбы народов”. Сейчас, к величайшему сожалению, общественное сознание раздроблено, и от этого, в свою очередь, страдает культура – процесс обоюдный» (I, с. 123).

С ностальгией вспоминая идею «дружбы народов» советского периода, З.Н. Тутов с болью, присущей большинству кавказцев, говорит о происходящем сейчас: он выражает неприятие вражды на религиозной почве, считает трагедией то, что «религия становится источником вражды целых народов» (I, с. 123–124). Мнение респондента по острому для любого кавказца национальному вопросу не меняется (даже несмотря на упоминание Л. Алоевой об инциденте в Москве, когда скинхеды избили З.Н. Тутова) и основывается на уважении и готовности понимать другие нации, другую культуру. Он приводит в пример своё самощущение: «По рождению я кабардинец. <...> Так же, как свою малую родину

¹ «Смотрите, как иронично мы относимся сегодня к прошлому России, к понятию дружбы народов. Но признайте: не было ксенофобии, этнических конфликтов, мы были людьми одного духовного пространства. Вот что нам следует, уже в новых исторических условиях, возродить и хранить» (I, с. 123).

Кабардино-Балкарию, безмерно люблю Россию. <...> Конечно, всё основное и лучшее, что, надеюсь, есть во мне, я впитал с молоком матери, с живительной природой и солнечными лучами Кавказа. Но лепку моего характера и внутреннего мира довершила всё же культура многонациональной страны, какой был Советский Союз» (I, с. 124).

Респондент выражает идею духовного родства этносов, верит в возрождение основ дружбы народов, что побуждает журналиста назвать своего собеседника «по-хорошему наивным человеком» и в некоторой степени оспорить линию рассуждений героя интервью. Л. Алоева озвучивает своё мнение: «А мне кажется, что российская интеллигенция упустила момент, не задумалась вовремя, в период политико-экономической ломки общества, над необходимостью его духовного переустройства, и в результате мы получили не только ксенофобию, но и весь “букет” человеконенавистничества» (I, с. 124). Суть этого тезиса З.Н. Тутов объясняет отсутствием в государстве «внятной общенациональной идеи... которая могла бы объединить людей» (I, с. 125).

Журналист не оставляет эту тему, оформляя её в следующий вопрос: «Как, с Вашей точки зрения, должна измениться политика федерального центра по отношению к региону Северного Кавказа, чтобы в нём наступили мир и процветание?» И здесь репрезентантом национальной культуры выступает компонент исторической памяти, к которой прибегает респондент, вспоминая исторические основы единения народов: «Симпатии северокавказских народов, если оглянуться на историю наших взаимоотношений, исторически были на стороне России. Присоединившись к ней в далёком 1557 году, когда, по свидетельству летописцев, русский царь Иван Грозный взял в жёны кабардинскую княжну Марию Темрюковну, Кабардино-Балкария по сей день остаётся неразрывно связана с ней общей судьбой и общей культурой. Как, впрочем, и другие северокавказские республики» (I, с. 126). Это не просто констатация факта. З.Н. Тутову важно подчеркнуть единство народонаселения России, неразрывность общего исторического пути, что позволяет сохранить уникальный потенциал многонациональной страны, угрозу которому представляют регулярные межэтнические конфликты.

В рамках межнационального дискурса журналисту интересно мнение респондента, должны ли считаться русскими все люди, проживающие на территории России. Ответ на этот вопрос, как и на предыдущие, характеризует его как толерантного человека, хорошо знающего специфику северокавказских народов: «Мы все – россияне в смысле принадлежности к российскому государству и восприятия русской культуры. В то же время все народы нашей страны, что совершенно естественно, любят свою малую родину и этническую культуру. Ответ на этот вопрос, – добавляет он, – по-моему, может быть только один: самоидентификация человека и народа должна быть добровольной и естественной и государством как не отвергаться, так и не навязываться» (I, с. 125).

Аналогичные вопросы задаются в двух других интервью, взятых нами для анализа. Журналист М. Калинина беседует с М.О. Толбоевым, героем России, заслуженным лётчиком- и космонавтом-испытателем, кандидатом технических и исторических наук, и З.Т. Гаджиевым, кандидатом исторических наук, научным сотрудником Института истории и этнографии Дагестанского научного

центра РАН. Оба респондента по своей этнической принадлежности являются дагестанцами.

Целый корпус вопросов, адресованных М.О. Толбоеву, посвящён проблеме национальной идентичности, сущности понятий «россиянин» и «российская нация». И ответы по сравнению с первым интервью 2006 года более конкретны, приближены к фактам действительности. Респондент ощущает себя россиянином («Я ощущаю себя гражданином России. Я – россиянин», «Я – гражданин России и больше никак») и в целом ставит знак равенства между дагестанцами и россиянами, но с опорой на историческую память он напоминает о несправедливой дискриминации по национальному признаку: «Дагестанцы – такие же россияне, как и другие, они многократно доказывали свою преданность стране, а из нас² стараются сделать людей второго сорта. Мы все находимся под подозрением и чувствуем, хоть никто открыто об этом не говорит, что нам априори не доверяют» (II, с. 213). Причину внутренней волны недоверия, которое, по словам М.О. Толбоева, отравляет обе стороны, он видит в событиях 90-х годов XX столетия: «Первая Чеченская стала точкой отсчёта недоверия к Кавказу. Война закончилась, а её отголоски слышны до сих пор» (II, с. 213).

На вопрос, кем себя ощущает герой второго интервью о Дагестане (лакцем, дагестанцем или россиянином), З.Т. Гаджиев отвечает, также используя обобщения и говоря от лица всех дагестанцев: «У меня “самовосприятие” распределяется по уровням сознания: прежде всего я ощущаю себя самым собой, потом членом своей семьи, членом сельского *джамаата*, хотя уже и мой отец с самого детства жил в городе, но я и мои родственники стараемся хотя бы раз в год приезжать в своё село; потом я ощущаю себя лакцем, дальше – дагестанцем, ну и, конечно, – россиянином, у меня российский паспорт, я много времени провожу в поездках по России, часто бываю в Москве» (II, с. 226).

В аспекте проблемы национальной самоидентификации журналист акцентирует внимание на вопросах национального характера, предлагая читателю информацию для усвоения особенностей миропонимания дагестанцев, что важно в срезе межнациональных отношений. Для респондента (более подробно по этому вопросу высказывается М.О. Толбоев) данная тема тоже представляет большое значение в межнациональном дискурсе. Говоря о национальной культуре дагестанцев, обуславливающей специфику национальной картины мира, он обращается к острой проблеме столкновения культурных кодов, порождающей непонимание и недоверие в межнациональных отношениях.

Респондент высказывает следующую мысль: «Дагестанцы и русские очень отличаются друг от друга многими важными особенностями: отношением к семье, к старшим, к дружбе... И это, к сожалению, порождает большие проблемы. В немалой степени это обусловлено конфессиональными различиями – в подходе друг к другу у православия и магометанства существует, увы, склонность к противостоянию, ничто почти не принимается спокойно, всё что угодно может стать поводом для конфликта. Нет взаимного стремления к пониманию чужой культуры. А всё потому, что в обществе преобладает невежество. Гораздо

---

² Респондент, будучи представителем народа, отождествляет себя с ним.

проще сказать: у вас всё не так, как у нас, значит – неправильно, плохо. И всё, почва для конфликта готова» (II, с. 215–216).

При этом он выделяет этнокультурные доминанты, характерные для дагестанцев и народов Северного Кавказа в целом: «У нас уважение к старшим – одна из важнейших добродетелей. Мнение старших всегда имело главенствующее значение при обсуждении всех важных вопросов. <...> Всем известное восточное гостеприимство, независимо от социального и экономического положения семьи, – это не просто слова. Это важная особенность нашего менталитета. <...> Лучшая постель, лучшая пища, лучшее место за столом – для гостя. У нас существует понятие куначества – это крепкая дружба, готовность к взаимовыручке, верность слову. Каждая семья имеет в соседних сёлах, районах своего кунака. <...> Поэтому если говорить об условном коллективном национальном образе дагестанского народа, то это гордые, смелые, мужественные, трудолюбивые люди, уважающие старших, почитающие матерей. Такой образ складывается из национальной культуры, традиций, народного эпоса» (II, с. 216).

Своим упоминанием об отрицательных сторонах поведения некоторых современных дагестанцев М.О. Толбоев вызывает ряд вопросов со стороны М. Калининой, пытающейся понять трансформацию в сознании горца, который покидает этническую родину. На один из них («Дагестанцы, живущие в Дагестане, и дагестанцы, живущие в больших городах с преобладающим славянским населением, – это типологически разные дагестанцы? И если да, то каковы внутренние отношения между ними?») респондент отвечает с опорой на специфику национального этикета, то есть, будучи представителем своего народа, отражает характерные для него черты: «Дагестанец всегда остаётся дагестанцем, где бы он ни жил. Жизненные ценности усваиваются в детстве, на уровне подсознания. <...> В Дагестане совершенно иной уклад жизни, иной темп, а отсюда и иные отношения между соседями. Когда постоянно ощущаешь контроль со стороны старших, это сказывается на поведении. Ты не можешь позволить себе делать что хочешь, общаться с кем и как хочешь. На всё есть веками устоявшиеся правила. В крупных городах всё иначе – нет контроля, нет тех авторитетных для них старших, которые одёрнули бы их, указали, что они ведут себя недостойно, и которых они обязаны были бы послушаться» (II, с. 217–218).

Как правило, интервью о Северном Кавказе не могут игнорировать 90-х годов XX в., периода, события которого в той или иной степени коснулись всех республик региона. В контексте нашей проблематики эта тема важна с точки зрения этнокультурной репрезентации, интерпретации её респондентом, выступающим в интервью представителем этноса, носителем главных его ментальных качеств. На вопрос политического плана («В 1991 году Вы поддержали Ельцина. Сейчас, зная о дальнейших событиях на Кавказе и в России в целом, пересмотрели ли Вы свою тогдашнюю позицию или по-прежнему придерживаетесь её?») М.О. Толбоев отвечает, опираясь на специфику национального характера горца: «Дудаеву же бросили вызов. А народ оскорблять нельзя. Как себя будет чувствовать горец, если ему скажут: сейчас приду и тебя растопчу? А у него семья, жена. Он что, как трус, побежит в горы? Никогда не побежит, пусть хоть армада идёт, будет сражаться до конца. Надо учить историю, а бряцать оружием – последнее дело» (II, с. 223).

Жанровая установка интервью-мнения подразумевает разную интерпретацию одного и того же вопроса: в интервью «Спасение – в просвещении разума» доминирует обобщённый взгляд на межнациональную ситуацию, в первом из «Двух интервью о Дагестане...» превалирует опора на проблему самоидентификации и особенности менталитета, во втором (при том что система вопросов имеет практически аналогичный характер, хотя в ряде случаев моделируется ответами респондента) собеседник – возможно, в силу специфики профессии – в большинстве случаев ссылается на исторические и национальные литературные источники, наблюдения, статистику. Однако при таком неодинаковом подходе эти интервью объединяет позиция респондента, говорящего во многом от лица своего народа, отражая его настроения и уклад, ощущая свою ответственность перед ним. Важным объединяющим смысловым компонентом выступает и то, что герой интервью как представитель инокультурной этнической среды, но авторитетная фигура для российского общества повышает степень достоверности информации, важной для современного состояния межнационального взаимодействия.

Итак, мы приходим к выводу, что жанр интервью обладает не только способностью раскрыть образ респондента как носителя национальных ценностей своего народа, но и уникальной возможностью хранения и передачи культурно значимой информации. В этом отношении именно жанр интервью соотносится с определением культуры, данным Ю.М. Лотманом. Он видит в культуре «сложно организованный коммуникативный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывает для этого наиболее компактные способы, получает новую, зашифровывает и дешифровывает сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую» [3, с. 395]. Так и жанр интервью, являющийся в силу своей специфики коммуникативным механизмом и хранителем информации, сначала предоставляет зашифрованные сообщения – вопросы, затем дешифрует их, получая ответы респондента, и тем самым из одной системы знаков, то есть культурной инаковости героя, переводит сообщения в другую систему знаков – культурную среду аудитории. Посредством этого информационно-культурного обмена, участниками которого являются журналист и его партнёр, осуществляется раскрытие образа респондента с позиций национально-культурных ценностей, воплощающих в себе корневые составляющие национального самосознания народа.

Summary

E.K. Reva. The Genre of Interview in the System of National Cultural Representations of the North Caucasian Peoples.

In this article the genre of interview (opinion interview in particular) is regarded in the context of reflection of the national cultural values of the North Caucasian peoples in Russian periodicals. The study of the topic within in the system of international discourse revealed the special potential of this genre in the ethnocultural representation of the North Caucasian region. An opinion interview acts as a means of storing and transmitting culturally significant information and allows us to reveal the image of a respondent as a bearer of national mentality.

Keywords: journalism, genre, interview, image of a respondent, national culture.

Источники

- I – *Алоева Л.* Спасение – в просвещении разума // Дружба народов. – 2006. – № 8. – С. 122–126.
- II – *Калинина М.* Два интервью о Дагестане и не только // Дружба народов. – 2013. – № 3. – С. 212–231.

Литература

1. *Грабельников А.А.* Работа журналиста в прессе. – М.: РИП-холдинг, 2002. – 274 с.
2. *Моль А.* Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
3. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

Поступила в редакцию
29.11.13

Рева Екатерина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия.
E-mail: ekaterina.re@rambler.ru